

Историко-культурное наследие

Наш проект

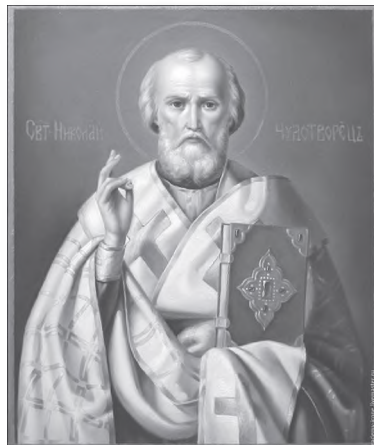

Знай и люби свой край

(Окончание. Начало в № 26).

Неоднозначность письменных монастырских источников XVI–XVII вв. и устный характер монастырского предания об обретении иконы не позволяют определить, какой из почитаемых в монастыре образов свт. Николая был явленным. Приходится констатировать, что предание об обретении иконы свт. Николая прп. Антонием имеет позднее происхождение и связано с возрождением монастыря во 2-й пол. XVII в. [33, с. 183–185], восходя к традиции почитания в обители местных образов святителя, ставших чем-либо примечательными в XVI в.⁹ Обращает на себя внимание и тот факт, что данный сюжет — обретение иконы — не вошел в монастырский «Летописец», повествующий о начальном периоде истории обители, хотя и создавался монастырскими книжниками в 1686–1687 гг. [32, с. 233–240], годом ранее, чем составлялась опись, упоминающая явленный образ. На наш взгляд, это также указывает на позднее происхождение легенды об обретении иконы.

Но нельзя исключать, что в основании предания лежат какие-то исторические факты, связанные с первоначальной историей монастыря. Так, монастырский «Летописец» сообщает, что Антоний, будучи иеромонахом, пришел в Бежецкий Верх в сер. XV в. из Белозерской стороны. Примерно в то же время в Кирилло-Белозерской обители подвизался Александр Ошевенский. В его житии, написанном в XVI в., сказано: «В Кирилловой обители, по возвращении, посвященный в иеромонаха, получил от игумена в благословение икону Одигитрии и икону святителя Николая и с такими средствами дал при кресте на Чугоре обет провести остальную жизнь в будущей обители. Поручив отцу надзор за построением храма, отправился он в Новгород. Здесь святитель Иона преподает ему благословение на устройство обители и антиминс для храма ее. <...> Храм был освящен во имя святителя Николая. Блаженный Александр с бодрой душой начал пустынную жизнь...» [17, с. 549]. Вполне возможно, что в «Доме Николая чудотворца Онтонове монастыре» некоторое время хранилась келейная икона прп. Антония, которую он мог принести с собой из того монастыря, в котором подвизался ранее. Память об этом некоторое время сохранялась, затем в XVI веке в виде особого почитания была перенесена на один из старинных образов свт. Николая. Впоследствии нескольких лет Смуты, когда преемственная связь духов-

ных и исторических традиций была нарушена, а монастырь неоднократно разорялся, легенда об обретении иконы была возобновлена вновь в кон. XVII в. и перенесена на иной образ.

Рассматриваемые нами почитаемые в Бежецком Верху Николаевском Антониевом монастыре образы Николая Чудотворца позволяют сделать вывод, что изготавлялись они могли иконописцами новгородской школы, восходили к чтимым в Новгородской земле образам и, скорее всего, являлись наиболее древними из всех, имеющихся к 70-м гг. XVI ст. в монастыре икон. Еще один образ, который мог относиться к рубежу XV–XVI вв., — образ «Николы чудотворца стоячей на золоте пядница меньшая», «поставленный» неким Истомой [18, с. 363]. В утраченном монастырском синодике 1685 г., где имелась запись его рода, он назван «службой Ширицкого» [16, с. 28], вероятно, Федора Никитича Ширицкого, помещика, проживавшего в Бежецком Верху в нач. XVI в. [3, с. 369].

Незатейливая простота речи монастырского писца, которой описываются в документах XVI ст. иконы свт. Николая Чудотворца, не позволяет судить об иконографических особенностях упоминаемых Почитание свт. Николая Чудотворца 193 образов. В русской иконографии к XV–XVI вв. сложилось такое значительное многообразие иконографий свт. Николая, что дальнейшее изучение вопроса о монастырских иконографических типах возможно только с привлечением документов следующих столетий, поскольку планомерное разорение Николаевского Антониева монастыря на протяжении 20–30-х гг. XX ст. привело к утрате иконописного убранства монастырских церквей. Последний раз монастырские иконы были описаны в 1930-е годы, перед закрытием монастыря, и дальнейшая их судьба неизвестна [37, с. 14].

Невозможно представить себе средневековый монастырь и без ниши-«книгохранильницы». Ста-

Почитание свт. Николая Чудотворца в Краснохолмском Николаевском Антониевом монастыре

ринные монастыри издревле хранили в недрах своих «книгохранилищных палат» «неистлевающее» сокровище — слова и поучения о жизни и деяниях Христа, его святых и своих благочестивых предков: рукописные книги, летописи, жития, грамоты, уставы, заветы и т.д., освященные многовековыми духовными традициями Православия и жизнью предшествующих поколений, из которых из века в век черпались знания о спасении души с памятованием слов Христа «ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Матф. 6:21). Имелись такие книгохранильницы с деревянными дверями на железных крюках и висячем замке и в стенах Никольского собора Антониева монастыря. Хранились в них более десятка богато украшенных Евангелий, Устав, Октоих, пять Прологов, писанных никольскими монахами, три Лестницы, Златоуст, Минея общая, Триодь постная и ряд других книг [18, с. 370–375].

Среди всего этого разнообразия единожды упоминается книга «в полдесте на бумазе, а в ней писано житие Николы чудотворца», а также «Житие» Соловецких чудотворцев, Михаила Клопского и Александра Свирского [18, с. 373, 375]. Упоминание книги «Жития» Николая Чудотворца в монастырской описи 1575 г. — единственное и более нигде не встречается. Должно быть, данное «Житие» было утрачено уже к XIX в., маловероятно, что книга могла показаться исследователям XIX–XXI вв. чем-либо примечательной и недостойной внимания [2, с. 75–76; 5, с. 197–221; 7, с. 440–463; 12; 31, с. 1–313]. Средневековая книга «в полдесте на бумазе» — весьма распространенный вариант «издания» в 1/4 долю (4о) бумажного листа, что примерно соответствует формату 20х15 см. В этом случае лист бумажной формы разрезался пополам и затем сгибался вдвое, т.е. одному листу бумажной формы соответствовали четыре листа книги [9, с. 10]. Как наиболее приемлемое средство для письма бумага на Руси стала использоваться в XV в., получив широкое распространение в XVI столетии. Бумага по своему качеству различалась на книжную и писчую [12, с. 16], потому для книг, как бесценных сокровищ мудрости и знания, использовалась наиболее дорогая и качественная бумага иностранного производства — итальянская, французская,

немецкая, польская, которая поступала через Ригу, Новгород и Смоленск [36, с. 33–34]. Вариант книги «в полдесте на бумазе» предназначался для повседневного (частого) использования. Как правило, такие «издания» отличались небольшим форматом и простотой исполнения [6]. Было ли писано «Житие» Николы Чудотворца никольскими монахами-переписчиками, которых упоминает монастырская опись 1575 г., или же куплено на рынке у торговцев книжной продукцией, или же сделано на заказ в каком-либо монастырском скриптории [20, с. 63–64], является одной из загадок древнего монастыря. Как и вариант текста «Жития», который излагала монастырская книга, в силу неоднозначности житийных текстов и разнообразия его изводов [19; 24]. В Государственном архиве Тверской области сохранилось несколько рукописных текстов «Жития» Николая Чудотворца XVI века в 4о [5, с. 199–200], позволяющих взглянуть в похожую монастырскую житийную книгу, помогая приблизиться к закрытому от посторонних глаз монашескому миру.

Жизнь русского средневекового монастыря пронизана правилами и традициями годового круга богослужений, которые, как правило, определяли и бытовую сторону жизни насельников. В «Доме Николая Чудотворца Онтонове монастыре» к XVII ст. сложились определенные традиции, связанные с празднованием главного престольного праздника, отмечавшегося на Николу-зимнего, 6 (19) декабря. В этот день освящалась святая вода, для хранения и перемещения которой специально заготавливалась «вощаница»¹⁰, а после храмового праздника «с Никольскими св. водами и с Никольским образом», который «был окладываем серебром с позолотой, подкладываем был шенденью», игумен или старший из братии монастыря отправлялся в Москву к царю с подношением. «Никольский образ в окладе» также подносился в дар митрополиту (затем патриарху), благотворителям монастыря, различным вельможам. Поездки эти носили ежегодный характер [12, с. 15, 20, 23, 29, 30, 32], являя

собой ту форму общения с миром, которая не нарушала монашеского безмолвия, не привносила суеты и искушения в монашескую жизнь, но позволяла быть и оставаться необходимой частью мира, поддерживая гармонию в религиозном укладе средневекового общества. Поездки с Никольским образом и святыми дарами являлись также формой прославления «Дома Николы Чудотворца» и самого святителя.

По этой причине подношение образа свт. Николая различным лицам практиковалось не только в день храмового праздника, но и в случае разъездов «по монастырским казенным делам», или же когда сановники сами приезжали в монастырь по разным надобностям [12, с. 23, 34]. Небольшие по своим размерам подносные иконы заказывались у иконописцев, работавших на монастырь [21, с. 65] или проживавших в нем [16, с. 30]. Существовала традиция гостинцев-подношений игумену, келарю и казначею в храмовый праздник от монастырского волостного старосты [12, с. 38]. По всей видимости, в день престольного праздника принимались и какие-либо серьезные решения, связанные с обустройством монастыря и монастырской жизни [2, с. 13–14].

Сегодня нам остается только сожалеть, что прекрасный Никольский собор, возведенный в камне в конце XV в. неизвестными мастерами на итальянский манер [4, с. 3–27; 26, с. 26–31; 29, с. 446, 450, 455–457; 39, с. 51–52], сегодня находится в руинированном состоянии и только начинает возрождаться, что прекрасные образцы расцветки древнерусского иконописного и книжного искусства далекой эпохи не дошли до нас, что многовековые монастырские традиции утрачены. Но хочется верить, что дальнейшее пристальное изучение пусть и немногих сохранившихся монастырских источников XVI–XVII вв., привлечение монастырских описей XVIII–XIX ст. позволит приоткрыть завесу тайн истории, традиций и культуры старинного русского монастыря.

Н. ТАРАСОВА,
историк, Санкт-Петербург.

⁹ Например, по аналогии с образом святителя Николая Чудотворца (Великокевецкого), прославление которого и распространение в списках как раз приходится на пер. пол. XVI в. [22, с. 469; 23, с. 439–455].

¹⁰ Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона — сосуд из воска, употребляемый в церкви для принятия какой-либо священной жидкости.